

ЧЕТЫРЕ ИСТОРИИ О ЛЮБВИ
В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ВЗАПЕРТИ

КАТЕРИНА ОСИПОВА

Катерина Осипова

Взаперти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34333750

SelfPub; 2018

Аннотация

Сборник малой прозы. Четыре истории о любви, которой не было. Замкнутое пространство (внешнее, внутреннее и метафорическое) становится для героев триггером к погружению в самые потаенные уголки подсознания. Присутствуют сцены секса и насилия. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Взаперти	5
Часть I. Три сердца	7
Тунец	7
Улица 1905 года	8
А.	11
Первое сердце	14
Где-то	15
Второе сердце	20
А	21
Третье сердце	25
Часть II. Голубокольчатый осьминожек	27
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Катерина Осипова

Взаперти

В оформлении обложки использованы фотография и готовый макет с <https://www.canva.com> по лицензии ССО.

Взаперти

Рассказ о любви, которой не было

*Любая красивая цитата об одиночестве.
(Автор, которого всем хочется цитировать)*

Передо мной стоит пустая коробочка. Я могу положить в неё все свои книжки по клинической психологии, «Призраков прошлого» и чашки, куда литрами лью кофе, пока они не почернеют. Я могу положить в неё сто часов личной терапии, а сверху еще столько же. Могу положить пару десятков дневников, исписанных от руки, и пару сотен картинок, нарисованных мной и не мной одновременно. Могу положить шрамы от скальпеля и затушенных сигарет, дни голодовки и недели неконтролируемого поглощения разнообразной еды. Четыре попытки самоубийства и бесконечное число попыток вернуться к нормальной жизни.

Единственное, что я никогда не смогу положить в пустую коробочку, а потом отнести на помойку – моя память. Осьминожки щупальца прошивают её тут и там, как нитки на лоскутном одеяльце, и потому я никогда не бываю одна. Ни днем, ни ночью. Ни во сне, ни в сладкой дреме, ни в разгар работы. Никогда.

Интересный факт: у осьминогов три сердца. Значит ли это, что они могут любить и ненавидеть в три раза сильнее,

чем люди? Кстати, осьминоги и правда очень чувствительны. Улепетывающий со всех ног от опасности октопус белеет, а разгневанный на весь мир и свой кусочек океана в частности – краснеет.

Еще один факт: крошечный голубокольчатый осьминожек одним укусом гарантирует человеку либо смерть, либо мучительную искусственную вентиляцию легких, пока яд не рассосется и не покинет несчастного.

И последний: гектокотиль осьминогов-аргонавтов похож на маленького захватчика вражеской территории – он отделяется от тела самца и самостоятельно проникает в тело самки, приговаривая её к неизбежному материнству.

В общем, у осьминогов очень насыщенная жизнь.

Мне недавно звонила знакомая, уверенная, будто она подруга. Я как раз складывала чистое белье, целые кипы чистого белья. Она сказала:

– Почему ты отказалась от насыщенной жизни?

Часть I. Три сердца

Тунец

Хорошего тунца днем с огнем не найти. Тот, что лежит на прилавках из льда и «воссоздан» из замороженного сырья, можно пустить разве что на корм кошке.

У меня нет кошки.

Приходится брать консервированного; и чувствовать себя кошкой, поедающей кошачий корм из специальной кошачьей консервной банки. Если бы у меня были кошачьи лапки в придачу, с острыми коготками и упругими подушечками, я могла бы прямо в отделе консервов запустить их под шапку и счесать с головы весь скальп со всеми крошечными жесткими шариками омертвевших кожных выделений. Вокруг меня так много людей, вещей, огня и неожиданных происшествий, что голова чешется больше обычного, куда больше обычного. Может быть, я даже заразилась вшами от старушки с вороньим гнездом на голове. А вот тот сопливый ребенок наверняка наградил меня пневмонией.

Такие высокие потолки!

Мысленно проверяю список покупок:

— Яблоки зеленые

— Яблоки красные

- Груши
- Куриное филе
- Гречневая лапша
- Тунец
- Помидоры черри
- Молоко
- Кофе
- Чипсы

Да, остался только тунец.

Такие чертовски высокие потолки в этом супермаркете!

А чипсов хватит, чтобы обеспечить гастритом полную детсадовскую группу. После разговора с А. съем все под какой-нибудь дурацкий ужастик, чтобы отвлечься от мыслей о вшах, пневмонии и потолках. Нужно только найти на бесконечно длинных полках тунца, взять побольше и – бегом на кассу. Потолки становятся все выше, будто их притягивает огромный магнит в самом сердце Вселенной, и они плывут, плывут вверх все быстрее, утягивая за собой банки с тунцом, кошачий корм, полные ведра чипсов, острые коготки, колючую шапку, сопливого ребенка, нечесаный парик старушки...

Так трудно дышать.

Улица 1905 года

Если бы я была компанией, меня бы звали «Что-то там лимитед». Эксперт в чем-то там. Ведущий производитель че-

го-то из чего-то еще.

«Что-то там лимитед». Добро пожаловать в наш офис:

Вот старый пятиэтажный дом, весь в заплатках шпаклёвки. Старая-старая улица 1905 года, где осталась всего пара таких домов плюс пара модернизированных бараков плюс училище какого-то там сервиса для тех, у кого руки не из того места растут. В этом доме перманентно ломается, течет и разваливается все, что возможно. Должно быть, устроившаяся здесь компания не может похвастаться хорошим доходом.

Вот первый этаж с двумя однотипными квартирами и двумя рядами грязно-рыжих почтовых ящиков. Половина из них цепляется дверцами за хлипкие, замусоленные резинки – замки канули в лету еще лет двадцать назад, когда в этом доме жили благопристойные семейные кланы. Сейчас такого нет. Жилое пространство поделено в равных долях между семьями-однодневками, стариками и теми, кто занял квартиры после их смерти (наконец-то!). Все смотрят друг на друга чуть подозрительно. Оценивающе. С кем могут быть проблемы? Кто потенциальный дебошир?

«Что-то там лимитед» примостилась по соседству с дочкой алкоголиков. Алкоголики, по понятным причинам, до старости не дожили. Дочке от тридцати до сорока лет, она выглядит как великовозрастное пропитое дитя. Вместе с квартирой ей достались: многолетний бардак, долг под сотню тысяч за коммунальные услуги и мелкая шавка, что не

затыкается ни на минуту.

В квартире «Что-то там лимитед» две комнаты, кухня, ванная комната тире санузел и небольшая прихожая. Прямо напротив входной двери висит зеркало в половину человеческого роста. Сразу видишь себя в неровном свете старой, как дом, лампочки: все морщинки, накопленные за день и все синяки под глазами, что наслаиваются друг на друга изо дня в день. И слой пыли на трюмо, что отражается в такой же пыльной зеркальной поверхности – руки не доходят сделать добросовестную уборку. Всему виной усталость, что видна невооруженным глазом наравне с морщинами и синяками. Свинцовая усталость землисто-серого цвета.

На кухне стоит холодильник, всегда до отказа набитый долгохранящимися продуктами. Пришлось отказаться от зелени, большей части овощей и фруктов, яиц, свежих молочных продуктов. Никакого греческого йогурта, никаких салатов из брынзы, черри и рукколы – слишком часто нужно ходить в магазин, чтобы иметь подобное в еженедельном меню. С каждым месяцем рацион сужается все больше и больше. Все, что сейчас можно себе позволить: замороженные овощные смеси, полуфабрикаты и прочую ерунду. Омерзительное нечто, что и едой-то назвать трудно. Но альтернатива ей – улицы, магазины, люди. Пожалуй, с такого угла обзора перемороженные блинчики обретают особую ценность.

В одной из комнат на столе стоит моноблок, лежит графический планшет и пачка бумаги для набросков. Ящики сто-

ла забиты художественным барахлом, и тут есть решительно все: от скетчбуков и акварельных красок до огромной коллекции линеров, ластиков, кистей, механических карандашей и бог знает, чего еще. Все это – и работа, и способ как-то прожить большую часть времени, не занятую сном. На сон, кстати, уходит не меньше двенадцати часов.

Еще на столе лежит (одинокое и неприкаянное) старенький ноутбук, весь покрытый царапинами. На него выливали в разное время и в различных пропорциях газировку, апельсиновый сок и даже воду, предназначенную для поливки цветов. Почти все цифры и знаки препинания не работают, а буква «К» регулярно вываливается из пазухи и отлетает черт знает куда.

«Что-то там лимитед». Добро пожаловать в наш офис.

«Что-то там лимитед» зовут Христиной.

А.

У меня нет ностальгических чувств к ноутбуку. Он нужен, чтобы созваниваться с А., сидя на полу или на диване – многочасовое сидение за столом давно угробило мою спину. Особенно, если хорошенько сгорбиться и накрениться к стене, будто Пизанская башня. Балансирующие на кончиках больших пальцев ноги уместить под стулом и ждать, пока их не сведет судорогой. Работа работается, процесс в самом разгаре. И тут левая рука тянется к голове и начинает

перебирать волосы, пока правая вырисовывает виньетки на рекламной иллюстрации.

Не знаю, почему я подумала, что А. сможет помочь мне. А если и помочь, то в чем? Выйти за меня из дома? Состричь все волосы и оставить в покое кожу? Собрать три сердца воедино?

Он говорит:

– Что вы чувствуете?

Я говорю:

– Чувствую что-то.

Он смотрит внимательно и дружелюбно, но ничего не понимает, и потому говорит. Говорит снова и снова:

– Что вы чувствуете?

И я говорю:

– Чувствую что-то.

А в итоге все сводится к:

– Есть что-то, влияющее на что-то. Или что-то в этом роде.

А то даже и так:

– Просто что-то начтотало что-то.

Всполохи бессмысленной болтовни. Сто минут в неделю вокруг да около.

У А. большие темные глаза, как у мультяшного персонажа – широко распахнуты, но в них ничего не видно и без подсказки решительно не понятно. Мне нравится неровная форма его головы, похожая одновременно на камень и голов-

ку домашнего сыра в обертке. Его кошка любит приходить в самый неудобный момент разговора, запрыгивать на кровать за спиной А. и устраивать там поудобнее большой пушистый зад, отвлекая мое внимание. Это мне тоже нравится. Чего не скажешь об аккуратно заправленной постели и двух подушках – иногда я вижу в них большие черные «трупные» мешки, иногда старые покрывала, иногда больничные резиновые подголовники.

Бывает, я подолгу сижу на полу, смотрю в окно или в угол комнаты и жду, пока запиликает скайп. Раз, и раздражение накатывает приливной волной, захватывая по пути жар и пунцовую краску для моих щек.

Первое время мы много говорили о том, что важно. Я рассказывала А., как еще год назад любила выходить по вечерам во двор, тихонько тарабанить про себя считалочку и так выбирать, в какую сторону идти.

– Ночные прогулки?

– Не совсем. Я бродила от дома к дому и заглядывала в окна. Ну, понимаете, без всякого злого умысла. Просто смотрела.

– Просто смотрели... Хорошо.

Я почувствовала, как на слове «хорошо» что-то зачесалось, зашебуршело на затылке. Как хотелось снять этот кусочек кожи вместе с еще влажными после душа волосами! И отдать А. со словами:

– Сделайте биопсию и скажите, наконец, что со мной не

так.

А. как будто услышал мои мысли и наклонился вперед, заполняя собой экран все больше и больше. Еще чуть-чуть, и ему там станет слишком тесно – голова, похожая одновременно на камень и головку домашнего сыра в обертке, упадет прямо мне на колени, глядя большими темными глазами мультяшки на мой рот, что вдруг разучился говорить.

Первое сердце

Кровяные сгустки на раскаленном песке, где пахнет морем и солнцем, где лежат сухие арбузные корки и виднеются тут и там лунки липкого морковного сока. Сердце бьется в оковах остро заточенных ребер.

Над головой Христины – безоблачное голубое небо. Жарким летним днем эта голубизна становится такой же пугающе бесконечной, как Вселенная, что еще выше и дальше. Песок и мелкая галька царапают её спину. К вечеру кожа будет невыносимо саднить и зудеть, как если бы сотня разъяренных муравьев кусала её снова и снова. Сердце кровит и ноет.

Тело Христины елозит по песку вверх-вниз, в волосах пугается пляжный мусор, а за ушами скапливаются влажные комья – это песок смешивается с потом и слезами. Христина смотрит в голубое небо, а красное сердце все кровит и кровит, и бьется о ребра, не в силах покинуть это место.

Где-то

Не знаю, как, но я сразу поняла: что-то изменилось. Неуловимое что-то, незримое что-то. Что-то, до чего пока нельзя дотронуться. На мгновение мне почудилось, будто остро пахнет жареным хлебом, а потом – оно. Вот это самое ощущение, что с нынешнего момента все будет совершенно по-другому, и с этим ничего нельзя поделать. Фатальная неизбежность.

Я лежала на своем маленьком диванчике, закрыв глаза, и пыталась поймать остатки хлебного запаха. Руки по привычке тянулись ощупать череп, пошуршать повсюду, словно в волосах застрял щекочущий песок.

Я думала о всяком, как и всегда.

Я чувствовала, как подбирается страх. И отгоняла его, составляя списки: что купить в магазине, что сегодня сделать по работе, что посмотреть вечером перед сном, что пораскрашивать до завтрака и что послушать в процессе.

Я никак не могла заставить себя открыть глаза. Неясное предчувствие – а что, если?.. А что, если надо мной навис кто-то. А что, если в соседней комнате поджидает что-то.

Но все равно нужно встать.

Кругом лишь тени. И неуловимое нечто. А на завтрак – блины. С вареном сгущенкой и сиропом из топинамбура. Можно включить телевизор, а можно не включать.

Я бродила из кухни в прихожую, а потом обратно, пытаюсь надумать какое-нибудь решение. С грехом пополам съела совсем холодный блинчик, посмотрела на гору пластиковых контейнеров (ждут, когда их отмоют дочиста) и вернулась в комнату.

Со вчерашнего дня остался целый список не сделанных дел: что купить в магазине, что сделать по работе, что посмотреть, что пораскрашивать и даже о чем подумать. Спроси меня А. прямо сейчас, чем же я в принципе занималась весь день – у меня не нашлось бы ответа. Было лишь очень нервное, очень тревожное ощущение, что на следующий день все изменится, а потом изменится больше и дальше, а в конечном итоге я не узнаю ни себя, ни мир вокруг.

Сегодня утром, да, сегодня утром, так и получилось.

И сегодня утром все опять валится из рук, и не знаешь, чем занять себя, и думаешь о ста вещах одновременно, пока голова не закипает чайником на пылающей плите.

То одной, то другой волной меня относит в ванную, где я прижимаюсь лбом к зеркалу и смотрю на отражающееся дыхание: вдох-выдох, туман-просвет, вдох-выдох, сожмет-отпустит, вдох-выдох. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Песчинка в волосах. Вторая и третья. Упали на ладошку с тремя светлыми волосками. Намертво слиплись с волосяными луковицами, отяжелели.

И так весь день – от одной пристани к другой, слоняясь из угла в угол и выскабливая из головы песок. Кажется, будто

никогда не удастся избавиться от него полностью. Тогда, на солнце, кожа стала мягкой, как теплый студень. Тающее желе, куда руки проваливаются по локоть без сопротивления. Песок просочился внутрь и остался там на долгие годы. В медицине это называется инкапсуляция: если тело не может вытолкнуть наружу инородный предмет, оно отращивает для него оболочку, мембрану, защитную капсулу или все сразу. Десятки неровных капсул с острыми кромками день ото дня движутся у меня под кожей от уха к уху, через затылок, быстро пробегая виски и всегда задерживаясь над лбом.

К вечеру мне хотелось выйти на улицу и покурить, но ничего из этого не вышло. Где-то бухали тяжелые мужские шаги, смеялся ребенок тоже где-то. Свернувшись клубочком на диване, я вспоминала сегодняшний сон. А. и я. В пугающей комбинации, что казалась во сне восхитительной.

Этот сон мог бы прописать и срежиссировать сам Такаси Миике, история очень в его стиле – болезненная, прекрасная. Вот Такаси сидит в кресле босса, в ярко-желтом пиджаке и красной вязаной шапке, из-под которой выбиваются на висках серебристые волосы. Он похож на возрастную азиатскую версию Трики; но, в целом, также хорош и притягателен.

Все готовы?

Хлопушка.

Мотор.

Погнали.

Я лежу в своей постели, прямо напротив режиссерского кресла. В комнате тихо и жарко. Мое тело выделяет, а потом испаряет воду – снова и снова, снова и снова. Все присутствующие в комнате ждут чего-то.

(Камера тихо жужжит, наводя фокус на Христину. Когда на рабочем экране появляется крупный план, в комнате загорается свет – на потолке и стенах установлены галогеновые лампы)

Стало еще жарче. Я больше не думаю о стеснении и откидываю в сторону простыню. Такаси безразличен и к голой груди, и к обнаженным гениталиям. Такаси следит за тем, чтобы свет с каждой секундой разгорался все ярче, пока комната не превратится в гигантскую кабинку солярия. А. появился как будто из ниоткуда, пока я терла слезящиеся глаза.

(Камера дает общий план героя: черная футболка и джинсы, босые ноги, аккуратный срез на шее – тело обезглавлено. В руках большая хэллоуинская тыква с ухмыляющимся разрезом на месте рта, внутри которой – темнота)

Дрожащая в горячем воздухе фигура все время уплывает куда-то, стоит только мне прищуриться. Я пытаюсь приподняться на локтях или хотя бы перевернуться, чтобы добраться до края кровати и подойти к нему, но... Меня вдавливают в жесткий матрас ярким светом, отражателями, внимательным взглядом Такаси Миике.

И вдруг моя кожа начинает плавиться, а простыня стремительно нагреваться, словно под кроватью развели большой

костер. Но вот и кровати больше нет, есть только где-то. Где-то, где я лежу на дне сковороды-вок, шкварчу и таю, растекаюсь чистым жиром, я – сливочное масло, на котором Такаси пожарит на обед тыкву для всей съемочной команды.

(Такаси Миике снимает шапку, закатывает рукава пиджака. Ассистент подает ему нож, обезглавленное тело А. – тыкву. Под тыквой чуть заспанное лицо, моргающее быстро-быстро на ярком свете. Такаси мастерски разрубает тыкву напополам, шинкует съедобную часть и кидает в вок, где в глубокой луже канареечно-желтого масла плавают глазные яблоки, пара надтреснутых зубов и лоскут кожи со следами татуировки. Съемочная команда аплодирует)

Наваждение спало по щелчку пальцев. Где-то в соседней комнате протяжно заскрипели половицы. Кто-то громко шикнул, и после все стихло. А. подошел ближе, взял простыню и стер пот с моего живота. Снял футболку и джинсы, лег сверху. Пара ламп треснула от перенапряжения и осыпалась со стен вихрем осколков. Сразу стало спокойнее, интимнее. Я больше не видела на том месте, где должна быть голова, черного трепещущего пятна. Нет, там была пустота, а под ней холодное тело, долгое время лежавшее в холодильнике. Фиолетовая кромка шеи, белая кость, обескровленные ткани. В неоновом свете А. был бы похож на персонажа из фильма ужасов. Его черные любопытные глаза наблюдали за происходящим с маленького столика в углу.

(Камера делится и множится, и вот уже два десятка жуж-

жащих мини-камер кружат над сплетенными телами Христины и А. Тело А. начинает оттаивать, нагреваясь от тела Христины. Он все еще синюшно-фиолетовый, она уже не такая розовая. А. медленно умирает, оставаясь внутри Христины до последней секунды. Такаси Миике доволен)

Стоп.

Снято.

Где-то.

Второе сердце

Кто-то оставил на пляже большое пластиковое сердце. Повесил на ветку дерева, что сразу за линией песка. Сердце прозрачное, с плотно завернутой крышкой на самом верху. Внутри густая белесая жидкость, сверкающая на солнце. Кажется, будто сердце висит там не просто так – впитывает происходящее на пляже, поглощает и прячет внутри этой вазелиновой неподвижной жижи.

Оно уже запечатлело:

- Темные взъерошенные волосы. Жесткие и густые мужские волосы, по которым плачет шампунь или хотя бы мыло.
- Оранжевое полотенце на груди вещей чуть в стороне от двух людей на песке.
- Крик чайки в вышине, больше похожий на плач покинутого ребенка.
- Пару грубых словечек, с трудом проскользнувших

сквозь крепко сжатые зубы.

Сердце, по большому счету, совершенно безучастно.

А

Мы встречаемся с А. по вторникам и пятницам, в семь часов вечера. Но встречаемся – это громко сказано, конечно. Две говорящие головы, разделенные экраном. Когда я смотрю на свою голову в углу скаяпа, мне становится стыдно за то, что она такая неприлично большая.

– Здравствуйтесь, Христина.

– Здравствуйтесь, А.

– Мы не виделись с вами четыре дня. Что успело произойти за это время?

– Две аварии и три экологических катастрофы.

Дружеская улыбка.

– А., вы смотрели «Экзистенцию»?

– Нет, не приходилось.

– Суть в том, что погружение в игровое пространство со временем полностью стирает грань между реальным и игровым мирами. Получается замкнутая петля: а что, если это игра, которая похожа на реальность, в которой мы играем в другую игру, которая, в свою очередь, еще более реалистична? Знаете, это ведь своего рода шизофрения – с тем же успехом можно просто сказать себе: «Все, баста. Дело не в игре. Я просто окончательно свихнулся». Мне доводилось

испытывать что-то подобное, и опыт был малоприятным.

– Что это было?

– Я примерно также запуталась внутри своей головы. Где есть я и где есть что-то отличное от меня, потому что быть всем сразу я точно не могу.

– В этом была амбивалентность?

Нет, милый А., в этом была натуральная шизофрения в лучших традициях Голливуда. Даже если на самом деле это называется каким-нибудь другим умным медицинским термином – суть от этого совершенно не меняется. Не знаю, чего такого вы сказали в прошлый раз (или же не сказали, кто его знает), но все полетело к чертям за какие-то четверть часа, как в многократно ускоренной съемке. Та-дам! Сюрприз. Приехали.

Вот я с какой-то неведомой радости придумываю сюжеты для авторской колоды карт таро. А. я сделала бы Повешенным, себя Дураком, а на самый верх Башни посадила бы ощерившуюся собаку с голодными глазами и наостренными ушами.

Плавный переход, и вот я уже сижу перед экраном ноутбука и разговариваю с А., как ни в чем не бывало. Если бы собака на Башне могла улыбаться, у неё бы точно растянулась ухмылка, как у меня в этот момент. Резиновая кукольная кожа, неровно покрашенная в ядреную смесь розового, белого и голубого (тонкими продольными мазками) – она натягивается слева, когда уголок губ уходит в сторону, обнажая пару

зубов сверху и снизу. Всего секунда, и губы собираются обратно. Губы открываются чуть позже, чтобы сказать:

– Я хочу, чтобы вы отрезали мне какую-нибудь часть тела.

Провели ампутацию. Что скажете?

Что тут скажешь, правда? Я показываю коробку со скальпелями, что стояла у меня на коленях все это время.

– Или я могу сама, прямо здесь и сейчас.

Я никак не могу вспомнить, какой была реакция А. Все мое (и не мое) внутреннее внимание было сосредоточено на мне (но и не на мне тоже). Я видела свои улыбки, свою длинную хрустящую шею, медленно склоняющую голову то к одному плечу, то к другому. Еще я видела, как быстро меняются на лице аффекты: бежать! замирать! резать! отбрасывать от себя коробку!

Вот я делаю почти все и почти сразу. Вонзаю со всего размаху скальпель в бедро, и это совсем не больно. Не больнее, чем воткнуть его в деревяшку, которая не имеет ко мне никакого отношения. Беру другой и выкалываю им глаз, глядя прямо в красную точку камеры, прямо в глаза А.

– Я говорила вам, что чувствую порой, как вы нагло сталкерите за мной через веб-камеру?

– До этого момента не говорили.

– Ну и хорошо. Не хватало еще, чтобы вы меня в безнадежные сумасшедшие записали.

– Не переживайте, этого вы от меня точно не дождетесь.

Еще одна дружеская улыбка. Но я все еще во вчерашнем

дне, где разворачивается психоделическая картина возможного будущего нашего скромного терапевтического альянса.

Вот я беру взявшееся из ниоткуда полотенце и промокиваю кровь, сочащуюся из разорванной глазницы. На короткое мгновение мне кажется, что вокруг глубокой алой расщелины, что была глазом, смыкаются запачканные влажным песком бедра, и где-то в вышине протяжно стонет чайка.

– Слышите это?

– Что именно?

– Песня. Где-то играет сильно искаженная «The End». Я сначала даже не узнала.

– Почему?

– Потому что перепеть Джима Моррисона мог бы только Джим Моррисон, но он давно отправился на рок-н-рольные небеса. Неужели не слышите песню?

– Честно говоря, нет.

«Нет» прозвучало глухо, словно из туго затянутого мешка.

Меня словно мотало туда-сюда приливом и отливом: то подносило к берегу, где на экране ноутбука мелькала фигура А., то уносило в сине-черные океанские воды, где только кораллы, водоросли, диковинные рыбы и галлюцинирующая бездна.

И вот, наконец, последний эпизод. Изогнутый скальпель, похожий на крошечный ятаган, взрезает с тихим хлопком кожу на шее, цепляет яремную вену – как провод – и перере-

зает.

– Что скажете?

– О песне?

– Да нет же! О том, что я только что рассказала.

– Вы мне пока рассказали об «Экзистенции»; о том, что был некий похожий на кино опыт; о том, что я смотрю на вас через веб-камеру; о песне. Разве нет?

Немая сцена.

А потом что-то мелькнуло в углу комнаты.

Третье сердце

У неё были такие большие зеленые глаза, что в них мог бы поместиться густой хтонический лес, кишаший удивительными созданиями, плотоядными цветами, хищными лианами и древними мудрыми змеями, наблюдающими за случайным путником через узкую щелку глаз.

У неё были такие большие, удивительные, совершенно непереносимые зеленые глаза, что мне хотелось что-нибудь с ними сделать, лишь бы не заглядывать в эту бездну. Засыпать песком. Выколоть. Нанизать на нитку, как бусы. Раздавить. Проглотить. Что угодно.

Я такое большое черное сердце, что едва помещаюсь в груди человека, лежащего на девушке с удивительными зелеными глазами. Я весь покрыт липкой черной жидкостью, отдаленно напоминающей своим глянцем нефть. Она сочит-

ся из невидимых пор и пачкает все вокруг. Ребра покрыты этой хлюпающей дрянью, брюшная полость утопает в её потоках, но она не перестает литься, и литься, и литься. И я пульсирую в такт каждой капле, что выталкиваю наружу.

Мужчина насилует девушку с зелеными глазами.

Нам – мне и ему – это нравится.

Часть II. Голубокольный осьминожек

В один из дней мне все-таки удалось поймать краем глаза первые изменения: мой рабочий стол как будто бы чуть сдвинулся влево, а шкаф у стены напротив плотно прижался к обоям. Я точно помню, что еще пару дней назад зазоры были больше – у стола можно было свалить в кучу все провода, а за шкаф сунуть холсты, проложенные тонкой бумагой. Как так получилось и когда это случилось? Не могла же я сдвинуть мебель и просто забыть об этом? Ну... Может быть, и могла, конечно. Последние дни похожи один на другой: я просто брожу из угла в угол, периодически заставляя себя сесть за стол/под стол/на диван/посреди комнаты и поделаться хоть что-нибудь в течении хотя бы пятнадцати минут. Хоть что-нибудь! Не говоря уже о работе.

Промелькнула, вильнув влажным хвостиком, шальная мысль: замерить все линейкой, пока не поздно. Провести полную инспекцию квартиры и создать дата базу, чтобы наглядно видеть все возможные изменения, если они еще когда-нибудь будут. Иногда я – человек бессмысленных метаний, а иногда – человек действия.

Итак, спальня.

«От левой стены до рабочего стола: 28,5 см.

От левой стены до старого раскладного столика: 12 см.

От правой стены до шкафа: 14 см.

Диван прилегает к правой стене вплотную».

На следующий день я измерила просветы на кухне, в коридоре и в ванной комнате.

Дни шли один за другим, как пустые телевизионные каналы – белый шум, не более. Треск и черно-белая вязь, но всегда можно убавить звук до минимума, закрыть глаза и просто не быть. Почти ничего не происходило. Точнее, происходило так мало, что это почти не стоило внимания. Как-то утром опрокинулся стакан с зубной щеткой, полочка будто всосалась в стену, оставив лишь крошечный выступ. Не беда, можно ставить стакан на стиральную машину. Что еще? Пришлось убрать провода из простенка под стол и поджечь под себя ноги чаще, чем хотелось бы.

Я немного работала. Запорола один проект и вышла молодцом из другого. И почти все время что-то вспоминала.

Когда мне было не больше пятнадцати, я все вечера проводила на улице, заглядывая в окна, до которых могла дотянуться. Подмечала интересные детали и строила из них, как из конструктора, свою будущую жизнь.

Вот книжный шкаф от пола до потолка в квартире молодого пенсионера. Летом он сутками напролет копается на даче, а зимой читает, читает, читает... И классические романы, и дерзкое молодежное фэнтези. Я думала так: буду читать не меньше. Вот широкий стол прямо у окна, за которым в первой половине дня работает художница-самоучка, иллю-

стрирующая детские книжки про зайчиков, белочек, лисичек и прочих мимимишек. Я думала так: это будет и мое дело, моя работа. Как будто я сама никогда ничего придумать не могла. И выбирать из готовых вариантов не умела от слова «совсем». Так я стала иллюстратором, читающим – в среднем – по сто книг в год. А когда начался бум на раскраски-антистресс для взрослых, это тоже стало моим. И вся необходимая атрибутика туда же, кроме разве что тематического Инстаграма и YouTube-канала.

Так где я есть? В пятнадцатиминутном раскрашивании разворота с гигантской мифической черепахой? В пятнадцатиминутном чтении книжки о невротических переживаниях вечного еврейского сыночка? В пятнадцатиминутном рисовании новогоднего корпоративного календаря? Я – в бессмысленном наматывании кругов.

А. пытается выжать максимум из того, что есть, но у него появился новый оппонент, о котором он и не догадывается.

Когда я впервые увидела Левкроту, у меня ничего не дрогнуло ни внутри, ни снаружи. Она смотрела на меня, меланхолично постукивая копытами по полу. Я смотрела на неё, теребя листок бумаги. Но когда она заговорила, три моих сердца забились так часто, что заполнили собой не только грудную клетку, но и брюшную область, таз, череп... Все просветы, до которых смогли дотянуться.

До боли знакомым голосом Левкрота сказала:

– Ты не сможешь говорить.

И добавила:

– Твой А. недолго сможет терпеть пережевывание нечленораздельной каши. Уж поверь мне.

Я поверила. Звучало вполне убедительно.

Левкрота сама сказала мне о том, кто она. Утром выходного дня я засела с любимой раскраской, выбирала цветовую гамму для сказочной птицы с роскошным хвостом на половину альбомного разворота. Мне хотелось намешать как можно больше оранжево-красных оттенков, а Левкрота все ныла и ныла прямо у меня над ухом:

– Почитай, почитай, почитай...

Пришлось все отложить, собрать карандаши в коробку, расчистить место для ноутбука и залезть в Гугл. Гугл сказал, что Левкрота – животное средневековых бестиариев с неясной мотивацией и пугающим внешним видом. Насчет внешнего вида я бы поспорила, но цель появления Левкроты у меня дома и правда остается загадкой.

– Я помочь тебе хочу, – укоризненно говорит она в ответ на мои мысли.

Где-то я уже это слышала.

Номер раз: когда мать забрала заявление из полиции, боясь дурной славы для всего нашего семейства.

Номер два: когда предыдущий психотерапевт предложил признать свою долю вины за случившееся и простить его.

Номер плюс бесконечность: когда внутренний голос убеждает меня остаться дома, даже если холодильник пуст, сти-

ральный порошок закончился, а каждая минута в доме отдается непереносимой горечью страха и паники.

У моей Левкроды мягкая ржаво-оранжевая шерстка с небольшими проплешинами по бокам – она имеет привычку хлестать себя трехпалым хвостом, когда злится. Две белоснежные кости вместо зубов в ухмыляющемся рту от уха до уха. Глаза почти человечески, с теплым охряным отливом. Иногда они становятся влажными, как ириска, которую покатали языком во рту. На первый взгляд – это прекрасное мифическое животное, напоминающее лошадь с заостренной лисьей головой. На первый взгляд. От него веет спокойствием. Вроде бы. Да и какой вред оно может причинить? Казалось бы.

Но её голос, её речи, её вкрадчивый взгляд из угла комнаты, где тени наползают друг на друга и раздирают друг друга на части, где теплые охряные глаза почти сливаются с золотисто-желтым рисунком обоев...

Она всегда появляется минут за пятнадцать-двадцать до встречи с А., когда я сижу на полу перед ноутбуком и листаю свои заметки. Предполагается, что я говорю много и обо всем, А. слушает и что-то магическое порхает в воздухе, вроде феи Динь-Динь, которая посыпает мою голову блестками, исцеляющими горе и невзгоды. По факту получается несколько иначе. Я думаю, о чем нужно поговорить. У меня телефон под завязку забит историями, воспоминаниями, фантазиями, переживаниями. Снами, в конце концов.

Но все не то и все не так. Или все не там – не к месту. Теперь и Левкрота не дает никакого покоя. Пока не затренькает скайп, она будет говорить, и говорить, и говорить:

– Чувствуешь, как размягчаются твои зубы? Чувствуешь, как они стекают в горло сливочным маслом?

И я чувствую. Мои моляры двигаются внутри кости, раскачивают сами себя, а потом густой молочной жидкостью орошают корень языка, из-за чего я тут же непроизвольно сглатываю. Ощущение, будто меня пытаются водой, да вот только вода вязкая, терпкая и до боли знакомая, отчего становится еще горше во рту, и в каждом из трех сердец.

– Чувствуешь, как разбухает твой язык? Чувствуешь, как он заполняет рот, ощупывая пустые десны?

И я чувствую. Большой мягкий ёршик, испещренный сотнями нервных окончаний (и еще столько же минимум дважды), раздувается, как резиновая грелка в ногах болеющего ребенка. Он пинает её во сне розовыми пятками, и вода ударяется о толстые стенки: тонк-тонк, тонк-тонк.

Вчера я написала стихотворение, которое было задумано для А., но получилось просто так. В нем нет ни рифмы, ни смысла. Оно звучит так:

Он ударился левой рукой,

Наткнувшись на острый выступ стены

В спальне.

Под тихий гул перфоратора пятью этажами выше.

Утром я долго лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к дыханию просыпающегося дома. Такие моменты невозможно передать словами на бумаге, аккордами в песне или мазками краски на холсте. Они впитываются кожей, проникают в кровь и проходят весь круг кровообращения, чтобы потом просто испариться и раствориться в повседневных заботах. В горячем чае с сахаром, в ментоловой пасте, в овсянке на воде с сухофруктами или орехами. В неторопливом скольжении зубной нити вверх и вниз, вверх и вниз.

Иногда мне так не хочется вылезать из кровати и браться за все это, что я просто лежу и читаю, пока не надоест. На спинке дивана всегда валяется пара книг – минимум одна художественная и минимум одна научно-популярная. Никогда ведь не знаешь, чего захочется завтра, послезавтра или через неделю. Так ведь, правда?

Не открывая глаз, я протянула руку и попыталась нащупать какую-нибудь книжку. Но куда бы не продвигались мои пальцы, всюду была сплошная стена. Спинка дивана словно растворилась. Или окаменела? Когда с заспанных глаз наконец сошла белесая пленка, все встало на свои места: я лежала, практически уткнувшись лицом в стену. Ту самую неровную стену с пыльными золотистыми обоями, что поддерживала форму комнаты еще задолго до моего рождения. Стена поглотила прилегающую к ней часть дивана, разрубив мою постель надвое. Подушка почти не пострадала, зато простыня была разодрана по линии поглощения в клочья – остал-

ся лишь сиротливый огрызок под моим боком, с махровыми краями и загубленным цветочным рисунком.

Хотелось бы думать, что это сон, но все сны остались во тьме ночи, а это – моя новая реальность, судя по всему.

Дольше всех продержалась кухня. Шкафы мирно висели на стенах, колонка не взрывалась растревоженным газом, нечто невидимое глазу не пожирало плиту или холодильник, или стол с табуретками. Вот только есть совсем нечего. Последние три дня я посыпала сухими специями пустую рисовую лапшу и запивала её несладким чаем. К ужину казалось, что лучше просто умереть с голоду, чем питаться так.

Где-то на обоях в прихожей у меня был записан телефон более-менее приличной соседки со второго этажа, которой я помогала когда-то с цветами на время отпуска. Попробовать уговорить её закупить мне продуктов?

В прихожей уши закладывало от визгливого тьяканья шавки в квартире за стеной. Несмотря на солидный возраст, умирать эта тварь, как и её хозяйка, не спешила. Мне всегда казалось, что её легкие должны разорваться уже на сороковой минуте лая, однако годы шли, а лай стихал лишь тогда, когда хозяйка возвращалась домой. А потом по новой. И снова. И снова.

Впрочем, сегодня эта проблема даже не в первой тройке. Всего одна ночь, и маленький кусочек жилого пространства с доступом во внешний мир превратился в хаотичное

нагромождение наростов. Все стены будто пережевали и выплюнули прямо в мусорное ведро, где смешали с помоями и ключьями бумаги, пропитанными жиром. Части стен, потолка и пола тут и там причудливо изгибались, задевая друг друга горбами. Зрелище одновременно пугающее и волнуемое, пробирающее до мурашек. Перед моими глазами пронесся целый сонм кадров, на которых я провожу языком по выступам и чувствую на губах невидимую пыль, трогаю кончиками пальцев нависающие вокруг люстры «сталактиты», втискиваю свое тело меж двух выступов, уютно сдавливающих по бокам грудь... Морок, невыносимо болезненное навяжение!

И как найти здесь шесть цифр, которые стоят между мной и нормальной едой? Между мной и голосом живого, реального существа? Говорящая голова А. и приставучая Левкрота не в счет.

От лая голову раздирало на части взрывающимися в самых неожиданных местах петардами. Прихватит виски, предательски ударит в затылок, стрельнет где-то у основания черепа, убегая вибрирующей дрожью по позвоночнику до самого копчика...

На какое-то мгновение мне показалось, что вокруг меня простираются сверкающие пески городского пляжа, и по ним бегают вперемешку визжащие босоногие дети, лопающиеся от восторга собаки и протяжно стонущие чайки с перелетными крыльями. Все они заполняли меня голосами так

плотно, что перед глазами лишь искрила болью красная пелена, за которой была другая боль, потаенная и непотревоженная. До поры до времени. Под несуществующим аппаратом ИВЛ эта боль спит в ожидании, пока яд полностью выйдет из организма и уступит место для новых переживаний. И, может, дискомфорт от трубок, прошивающих легкие и горло, не так уж плох по сравнению с тем, что может сделать А., отключив меня и заставив сделать самостоятельный вдох. Рано или поздно.

Сложно сказать, сколько минут утекло, прежде чем я почувствовала на своих волосах теплый нос Левкроты, которая едва слышно нашептывала, будто бы обращаясь к самой себе:

– Ни шевелись, ни говори и ни дыши. Ни шевелись, ни говори и ни дыши. Ни шевелись, ни говори и ни дыши...

Может быть, она и внушала мне страх перед А., ужас перед человеческой речью, а местами и отвращение к самой себе, но она единственная была рядом здесь и сейчас, когда мне так нужно было просто слышать и чувствовать хоть кого-то.

От одной мысли о просьбе получить внеочередную встречу с А., все внутри скручивалось в бараний рог. Гадкое, унижительное ощущение, словно моя огромная, и колючая, и неуклюжая ненужность вторгается в удивительный мир, наполненный светом, людскими голосами и приятными заботами. В таком мире мне нет места, даже если я попытаюсь про-

рваться в него с боем, выцарапывая себе путь ногтями и выгрызая ноющими зубами.

Лежа в углу, вжимаясь в стену прихожей и тихонько наслаждаясь поглаживаниями Левкроды, я вдруг вспомнила, что уже начались праздничные каникулы, а послезавтра будет Новый год. Что-то вроде перевалочного пункта из ниоткуда в никуда.

– Иди умойся, убожество, – не помню, кто это сказал. То ли я, то ли Левкроды.

– Ну, правда, через три часа разговаривать с этим твоим, а ты похожа на зареванную целочку. – Это уж точно её слова.

Впрочем, я и правда иногда ощущаю себя целочкой за пару минут до жесткого изнасилования. А. любит повторять слова Карен Мароды о процессе терапии, который схож с бесконечным нанесением травм несчастному младенцу, вроде как терапевт никак не может научиться удерживать его на руках. Но где-то внутри меня уже давно зреет куда более удачная метафора: о насильнике, который жарко дышит в лицо своей жертве и уверяет её в своеобразном подходе к проявлению любви, а потом раздирает на части, перебирает руками внутренности и просто уходит, оставив изувеченное тело под палящим солнцем. И кровь вскипает быстрее, чем он успеет к ней вернуться...

Мне претит сама мысль о том, что этот человек может значить хоть что-то. Но рядом, рука об руку, всегда идет другая

мысль: «я ненавижу тебя, только не бросай меня» (с). Только не бросай.

Я умылась и почистила зубы, наскоро помыла голову. Потолок в ванной поглотил подвесную полку со стиральным порошком и доисторическим хламом, забрал у меня крепление для душа и крючки со всеми мочалками.

Но это было совершенно не важно, потому что я вроде как совсем скоро смогу поговорить о наболевшем и все такое. Может быть, даже рассказать о повседневном сюрреализме квартиры номер 19 в доме номер 8 корпус 2 по улице 1905 года. Может быть, даже рассказать о том, что случилось когда-то, ведь именно к этому все ведет. Именно к этому...

Небывалый подъем! Что-то залихватски-ребяческое проснулось глубоко внутри, отряхнуло перышки и приготовилось отогнать любую деструктивную мысль, какой только вздумается явиться. Момент предвкушения хорош сам по себе, а уж если ожидания оправдываются хотя бы наполовину – такому дню нет равных. Будто все невысказанное в один момент подкатывает к горлу. Но не тошнотой, вовсе нет – песней. Мощной протяжной песней, прекрасной древней песней без слов, за которой видно и бездну, и вечность.

Кажется, даже Левкрота почувствовала это: вжалась в стену, трусливо поджав хвост. Из её костлявой пасти не доносилось ни звука, и даже тяжелое смрадное дыхание исчезло, словно его никогда и не было.

Всего-то и нужно – занять себя чем-то на три часа. Почти-

тать? Закончить раскраску? Поотвечать на проекты в разделе вакансий?

В 14.28 мигнул скайп.

А.:

– Христина, здравствуйте. Простите, пожалуйста, но сегодняшняя встреча не может состояться. У меня очень плохой день, и я завожусь с пол-оборота. Я сегодня не в терапевтической позиции.

Христина:

– Ок.

А.:

– Христина, спасибо за понимание!

Серьезно? У меня есть выбор?

Злость клокотала внутри, как закипающий на плите суп. Его некому снять с огня, и скоро останется лишь полупустая кастрюля, вся в черных пятнах и нагаре, облепленная остатками истлевших овощей и сгоревшей плоти – там варились одно из моих сердец, то, что еще способно чувствовать и страдать.

Но злость эта была вовсе не на А., она была только на себя: такую глупую, такую наивную и такую беспомощную. Я позволила толстой хитиновой оболочке, в которой живу год, два, а может быть и десять лет, размягчиться. Достаточно, чтобы неосторожным тычком можно было провалиться до самой сердцевины, изуродовав там все до неузнаваемости. А сколько будет заживать наново? Год, два, а может быть и де-

сять лет...

Левкрота хохотала до слез. А я падала куда-то, где каждое движение требовало двойных усилий, где шевелиться было почти невозможно. Это давящее нечто легко мне на грудь и уже до самого конца не покидало, что бы я ни делала.

Утром тридцатого декабря я проснулась на мокром огрызке дивана и долго смотрела в потолок, до которого теперь можно было легко дотянуться рукой. Наполовину съеденные окна пропускали так мало света, что комната превратилась в таинственную пещеру на дне черного озера. Те же неясные очертания, те же редкие всполохи света, чудом опускающиеся так глубоко. Те же угольно-черные тени, украдкой выглядывающие из углов, сверкая бусинами глаз. Та же давящая, душащая тишина.

Мне снился сон, который скорее напоминал подавленное воспоминание. Я лежала на больничной кушетке, завернутая ниже пояса в простыню, насквозь пропитанную кровью. Рядом со мной сидела мама, и она даже не пыталась скрывать недовольное выражение лица. Она все время звонила куда-то и кому-то, повторяя одно и то же:

– Эта морда опять нашла себе приключений на толстую задницу. Ага, маленький дома с Пашей, а я тут сижу! От нее вечно одни проблемы, меня это достало уже! Быстрее бы она уже выросла настолько, насколько ей самой так хочется. А то как жопой перед мужиками крутить – так это всегда по-

жалуиста, а как проблемы решать – так это сразу к маме...

– Мама, иди домой, я одна могу остаться, – мой голос неуверенно искал себе хоть какую-нибудь лазейку в этом месиве грязи, но мама лишь огрызалась.

– Наделала делов, так теперь молчи и язык свой без спроса не высовывай!

Этот диалог повторялся во сне столько раз, что забыть его к утру не было ни шанса.

И вот я смотрю в потолок, смотрю до рези в глазах, но ничего не происходит и ничего не исчезает, как бывает с каждым вторым моим сном. Потолок вздрагивает, осыпается в углах штукатуркой и с натугой ползет вниз. Навскидку – еще пяти сантиметров как не бывало. Всего пять, но света и воздуха стало вполовину меньше.

Лучше смотреть на пол. Моя рука свешивается вниз и проваливается в теплую маслянистую жижу, на которой покачивается диван, тихонько стуча подлокотниками об уцелевший угол шкафа. И, кажется, я даже слышу корабельный колокол вдалеке – там, где клубится густой серый туман. Там, где редко, но остро вскрикивают чайки. Где плотный влажный воздух пронизан чем-то непереносимо сладким, даже приторным.

А потом что-то с силой вытолкнуло мою руку, и пол пошел мелкой рябью, как море перед бурей. Лиолеум цвета сливочного масла плавился, вздымался и темнел – гигантское нечто поднималось из глубин и шевелилось почти у самой

поверхности. Огромные питоны, перекатывающиеся под полом моей комнаты. Переплетающиеся, танцующие. То быстрее, то медленнее. Задевая друг друга и сталкиваясь на пути из одного конца комнаты в другой. Резкое шипение, а затем опять только шорох, и шелест, и треск рвущегося линолеума цвета пузырящегося на огне сливочного масла...

Мне хотелось скатиться с дивана на пол и утонуть в месиве копошащихся змеиных тел.

Тридцать первое декабря.

Итак, спальня.

«От левой стены до рабочего стола: 11 см.

От левой стены до старого раскладного столика: 0 см. Стол частично пережеван стеной и больше не раскладывается.

От правой стены до шкафа: 0 см. Шкафа больше нет.

Диван прилегал к правой стене вплотную. Дивана больше нет».

На полу застыли бугры и высокие причудливые волны, обтянутые линолеумом, сквозь прорехи которого можно увидеть доски и даже лаги. Меж двух бугров уютно устроилась Левкрота, подложив под голову хвост. Она спит там со вчерашнего дня, лишь изредка открывая один глаз и сонно осматривая меня с ног до головы. Тихое шуршащее дыхание, словно кто-то осторожно сминает в руках пластиковый пакетик.

Новый год сегодня будет так далеко, что я не смогу его даже услышать. Даже почувствовать. Мое время просто застыло, как воск на потухшей свече, а стены давят все сильнее и сильнее – нет света, нет воздуха, нет возможности расправить спину позвонкам за позвонком. То горбун из Нотр-Дама, то четырехпалая улитка, то просто бесформенная масса из мяса и костей, лежащая на пороге гостиной. Все это я.

К обеду я решила сделать вылазку в коридор и добраться до туалета. Я давно не ела и не пила, так давно не посещала туалетную комнату! На мне сухое, как пергамент, белье и относительно чистая одежда. А кожа еще суше, вот-вот потрескается. Волосы готовы вспыхнуть от одного неосторожного движения. Настоящий героиновый шик, как я всегда и хотела.

Коридор-кишка, соединяющий прихожую и кухню, все это время опускался неравномерно: со стороны прихожей осталась лишь узкая щелка, через которую можно услышать приглушенный лай и увидеть наросты стен, а проход в кухню преграждал ком потолка, под которым можно пробраться лишь ползком. Ванная комната и входная дверь навсегда переместились в недоступную зону, а потому нет никакого смысла играть в правильную культурную девицу, которой нужен унитаз, и душ, и гель для интимной гигиены. Нужно лишь помочиться прямо тут, вытереть – раздевшись – лужицу своей одеждой, а потом протиснуться на кухню и помыть руки в уцелевшей пока раковине.

Ничего страшного не случилось. Да и замечаний делать некому. Если в лесу упало дерево и нет никого, кто мог бы это услышать – был ли звук падения?..

Такой холодный пол. Будоражаще холодный. По всему телу пробежал сонм мурашек, задерживаясь на шее, ямках локтей, бедрах и в паху. Я ненавидела свое сексуальное возбуждение, как свободолюбивая мать ненавидит втайне от всех своего уродливого ребенка-инвалида. Пусть на первый взгляд он всего-навсего чуть более мерзкий, нежели остальные дети, на самом деле – это маленькое прожорливое чудовище, которое никогда тебя не покинет и всегда – всегда! – будет напоминать о том, как долгие месяцы рос ненавистный живот, как слишком поздно для аборта был озвучен неутешительный диагноз, как разрывали на части мучительные роды, как пришлось забрать ребенка под давлением семьи... Как все это случилось. Вроде тянулось долго, но запомнилось короткой вспышкой боли. И ноющей, давящей, невыносимой необратимостью.

Мое маленькое прожорливое чудовище созревает в матке каждые несколько дней, а потом плавится собственным жаром и растекается по животу и ниже зудом, навязчивыми мыслями, фотовспышками фантазий. Холодный пол лишь подогревает его аппетит.

Я хохочу в голос, но глаза предательски истекают слезами. Левкромта в комнате подвывает в такт руке, но, к счастью, быстро возникая – быстро заканчивается. Словно ничего и

не было. Только пальцы влажные и липкие, да волосы слиплись от пота. И где-то на периферии тает видение залитого солнцем пляжа и большой кудрявой головы, ощущение трехдневной щетины на шее и покалывание песка на спине. Все, как всегда. Все, как всегда.

– Иди сюда, – позвала меня Левкрота, просунув острый нос под валун в коридоре – переоденешься.

Она притащила мне старую серую пижаму с вытянутыми коленями. Я носила её в семь лет, сидя по выходным у бабушки и дедушки, пока мама была где-то там, но и сейчас она прекрасно на меня налезла. Почему бы и нет?

Представив, как Левкрота пятится и с трудом тащит своими костяными зубами ком пижамы, я снова громко рассмеялась, но уже вполне искренне или что-то вроде того.

Левкрота сверкнула глазищами, бросила пижаму и вернулась в спальню. Я последовала за ней.

Наверное, на улице уже совсем темно, и самое время готовиться к празднику. Все вдоволь отоспались и отлежались в кроватях с телефонами, планшетами, ноутбуками, пультами от телевизора, бутербродами, копошащимися младенцами. Неторопливый подъем, поздний завтрак, долгая прогулка.

Я помню некоторые года, когда ощущение праздника и предвкушение чуда были такими сильными, такими необыкновенными! Уже тридцатого я не могла толком спать, только вертелась с боку на бок и все грезила о чем-то светлом и радостном. Хорошо, если удавалось заснуть во втором или да-

же третьем часу ночи. А утром – опять бодро и весела, опять полна энергии.

До обеда мне нужно было успеть принять ванну и высушить голову под платком, повязанным на манер Марфушечки-душечки. У всего этого действия был сакральный смысл. подготовиться к обеду, состоящему из пиалы горячего молока и поломанного на кусочки печенье «Юбилейное». Уже через несколько минут печенье начинало размокать и разбухать, а под конец обеда и вовсе превращалось в густую и вязкую сладкую кашу. Потом – томительное ожидание праздничного ужина.

Нет ничего прекраснее вреднучей еды, которой меня кормили под Новый год. Это не макароны с сосиской (единственное, что могла приготовить мать) и не наваристые супы, которые я есть решительно не могла (бабушка не переносила плохо питающихся детей). Это был праздник живота, последнее обжорство года и самая бессмысленная семейная традиция в одном флаконе. Мы ели, чтобы не разговаривать. Мы ели, чтобы не думать. Мы ели, чтобы даже не смотреть друг на друга. От греха подальше. Только бабушка выделялась за столом – единственный живой человек. Но после моего купания, многочасовой готовки и уборки, а также пошалающего сердца, ей тоже было совсем не до бесед и душевных новогодних разговоров.

С самого утра она варила картошку и морковку для Оливье. Стругала, терла, резала, смешивала «Мимозу», крабо-

вый салат и селедку под шубой. А еще была жареная картошка, что-нибудь мясное, пироги на любой вкус... Дед предпочитал с картошкой, мать – с капустой и яйцом, я – сладкие с вареньем и яблоками. Обязательно красиво «обколотые» вилкой, с румяным гребешком сверху. Сама же бабушка ела все, без капризов. Но венцом стола и гвоздем программы были даже не пироги. Это были огромные фарфоровые блюда с нашими фирменными бутербродами – поджаренный хлеб натирался чесноком и промазывался майонезом, по верху ложились шпроты/полукопченая колбаса и кружок соленого огурца, но не друг на друга горкой, а по соседству. Как правило, было большое многоярусное блюдо со шпротами и такое же (если не больше) с колбасой. Иногда бутербродов хватало вплоть до 2–3 января, но все равно каждый Новый год мы готовили на роту солдат просто потому, что так принято.

– Перестань думать о еде! – взывала в полный голос голодная Левкрота.

Я не помню, когда Новый год потерял свое очарование. Когда умерла бабушка или раньше? Когда я поняла, что все эти люди, называемые семьей, это не более чем картонная декорация для соседей и знакомых?

И все же сегодня, лежа на поросшем буграми полу спальни той самой квартиры, где раньше пахло пирогами и бутербродами, мне хотелось вернуться в прошлое и посидеть за столом хотя бы вот с этой самой картонкой.

Глупо как-то получается. И по-детски наивно.

– Не то слово, – согласилась Левкрота.

– Надо бы написать А. что-нибудь. Какое-нибудь поздравление. Это будет вежливо, – рядом со мной даже картонных персонажей не осталось. Одна только Левкрота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.